

Е. В. Антонова

Очерки
культуры
древних
земледельцев
Передней
и Средней
Азии

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Е. В. Антонова

Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии

Опыт реконструкции мировосприятия

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

Ответственный редактор
Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

В книге на основе изучения археологических памятников и письменных источников с привлечением данных этнографии анализируются представления древних земледельцев Передней и Средней Азии (VII—II тыс. до н. э.) о пространстве, времени, людях, животных, растениях и предпринимается попытка реконструкции их мировосприятия.

А 0504010000-088
013(02)-84 КБ-13-47-84

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

В этой книге сделана попытка реконструировать отношение древних земледельцев Передней и Средней Азии к миру — природе и себе подобным. Находясь на том этапе исторического развития, когда не существовало ни философии, ни науки вообще, люди воплощали свои представления в мифологических образах. Их отношение к миру не было осознано как восприятие чего-то внеположенного им, иного; мир не стал еще *объектом* анализа. Это отношение было эмоционально окрашенным и неосознанным как мировоззрением. Оно и было, собственно говоря, не мировоззрением, которое предполагает целенаправленную активность сознания, но мировосприятием. Восприятие мира осуществлялось в ту пору не столько посредством разума, сколько при помощи всех чувств и сознания, поэтому не случайно наиболее близкую параллель такому отношению к миру в современности видят в художественном его осмыслении.

Источниками для реконструкции мировосприятия древних земледельцев являются созданные ими вещи: орудия труда и оружие, предметы быта, постройки. Находимые при археологических раскопках, они составляют часть, остаток материальной культуры¹. Вещи служили средствами приспособления к природным условиям, их все более глубокого использования. Материал, из которого изготавливали вещи, способ их изготовления, форма — все было результатом накопления знаний об окружающем мире. Такой вещь является с точки зрения современного историка-материалиста, так в общем виде он представляет ее функцию в истории человечества. Однако люди, создававшие орудия труда, украшения, изображения богов в эпоху первобытности, древности и даже средневековья, относились к созданиям своих рук по-другому. Их представления о природе и ее явлениях, о назначении человека, о возможностях воздействовать на окружающий мир отличались от взглядов современного ученого и вообще современного человека. Человеческое мышление развивается, и между отношением к своим изделиям женщины, лепившей сосуд в одном из поселений на севере Двуречья в VI тыс. до н. э., и работницы современной фарфоровой фабрики есть большая разница. При этом назначение сосудов в обоих случаях в принципе одно — быть вместилищем пищи.

Значение вещи как культурного знака, или символа², складывается не только из простого наблюдения ее свойств, но и из отбора человеческой мыслью тех из них, которые считаются существ-

венными с точки зрения мировосприятия людей конкретной эпохи. Это значение исторично. Под вещью мы понимаем любое изделие человека. Поэтому и изображения, нанесенные, например, на плоскость, также именуются вещами. Анализируемые как одно из выражений мировосприятия, вещи обладают разной степенью информативности с точки зрения современного исследователя и могут рассматриваться на разных уровнях. В широком смысле в них можно видеть отражение определенного этапа отношения человека к миру. Так, французский философ И. Мейерсон рассматривал вещи как источник для исследования исторических форм человеческой психики: «Чтобы понять, что есть человек, надо видеть то, что он сделал» [Meyerson, 1948, с. 12]. По его словам, «вещи всегда представляют сколок опыта или жизни, кусок истории. Будучи знаками, они определяют и закрепляют фазы объективации» [там же, с. 10].

Методика анализа изделий, как отражения мировосприятия их создателей, разработана еще очень слабо. Как правило, **объектом** анализа являются не вещи в целом, а лишь их отдельные черты. В результате такого подхода нож из камня или металла ничего не говорит исследователю духовной культуры прошлого, если на рукоятки его нет каких-либо поддающихся интерпретации изображений или если форма самого ножа не напоминает чего-то, уже известного как культурный знак в пределах изучаемого комплекса. В этом смысле гораздо информативней произведения изобразительного творчества, сфера которого у земледельцев первобытно-сти была чрезвычайно широка. Большая информативность изобразительных памятников объясняется тем, что они обладают собственным «контекстом», предоставляя таким образом возможность для интерпретации отдельных составляющих их знаков. Вещь, обнаруживаемая в процессе раскопок, не всегда находится в комплексе («контексте»), в желаемой мере разъясняющем ее значение; все же некоторые комплексы могут стать источником для реконструкции представлений, определявших место в этом комплексе той или иной вещи. Так, вещи, положенные с умершим в могилу, связаны с характером представлений о загробной жизни, а предметы, найденные в святилище,—с представлениями о божествах. Поэтому особую роль в исследованиях такого рода играют случаи совместного нахождения вещей в пределах погребения, постройки и т. д. [Формозов, 1979, с. 8; Cauvin, 1972, с. 12].

Анализируя явления культуры, исследователь может занимать две позиции. Первая и наиболее естественная для него, поскольку перед ним некоторый объект,—это позиция наблюдателя, человека, смотрящего на интересующее его явление как бы извне. В то же время изучение созданий человека невозможно без попыток понять мотивы его действий. Поэтому в процессе исследования приходится покидать позицию наблюдателя и становиться на позицию носителя того или иного культурного явления или культурной традиции. Этот переход, если он совершается неосознанно, чреват приписыванием людям иной культуры представлений и действий,

свойственных культуре исследователя. В том случае, если представитель современной культуры обращается к прошлому, возникает опасность модернизации. Очевидно, попытка посмотреть на явление культуры изнутри, с точки зрения его носителей, предполагает осознание различий миропонимания и психологии людей разных эпох.

Оставаясь человеком своего времени, определенной культуры, исследователь должен попытаться проникнуть в духовный мир людей прошлого, понять особенности их отношения к миру. Совершенно прав А. Я. Гуревич, считающий, что «невозможно ограничиваться преимущественно „объективным“, лучше сказать „объектным“, способом исследования и описания общества, при котором оно изучается так же, как изучаются физические объекты, то есть „снаружи“, — необходимо, кроме того, попытаться проникнуть в глубь человеческого сознания и мировосприятия» [Гуревич, 1972, с. 24].

Археолог, имея дело с остатками культуры, этническая принадлежность носителей которой бывает ему зачастую неизвестна, естественно, занимает положение более или менее информированного наблюдателя. Во время раскопок обнаруживается некоторое количество вещей, построек, погребений, дошедших от первобытной эпохи; при этом они не всегда бывают настолько сохранены, что можно судить об их назначении, времени создания и истории существования с достаточной уверенностью. Для того чтобы археологическая находка превратилась в объект историко-культурного анализа, должна быть проведена большая подготовительная работа, в процессе которой определяется категория вещи, круг близких ей предметов в ее собственной археологической культуре и аналогичных или родственных культурах. Таким образом выясняется взаимоотношение вещей данной категории с другими, с которыми они встречаются в одном комплексе — в погребении, внутри жилой постройки и т. д. Эти комплексы представляют «контекст» вещи, а ее связи с элементами комплекса — ее «синтагматику».

Входя в определенную категорию вещей (сосуды, украшения, орудия труда, оружие, постройки и т. д.), объект занимает в ней некоторое место, будучи в чем-то близок прочим, но и отличаясь от них. Сопоставление с другими вещами той же категории позволяет определить диапазон их возможных изменений и выявить нечто общее, что составляет «инвариант» некоторого набора вариантов. Это — «парадигматика» вещи.

Проделав эти процедуры, исследователь, который ставит своей целью изучение вещи как явления не только конкретной археологической культуры, но и культуры в общечеловеческом смысле³, сталкивается с другой сложностью. Предположим, ему удалось (что бывает, конечно, не всегда) уловить достаточно много связей своего объекта с другими, т. е. наметить его синтагматику и парадигматику, пусть неполные из-за дефектности материала. Допустим, он проследил, как *ведет* себя вещь. Однако понять, *почему*

это с ней происходит, он не в состоянии до тех пор, пока археологическая культура, которой она принадлежит, не будет поставлена, в свою очередь, в определенный историко-культурный контекст, т. е. пока не будут хотя бы в самых общих чертах определены эпоха, к которой она относится, этап в развитии человечества, на который она приходится, или более частные рамки (государство, этнос), если речь идет об относительно позднем периоде «письменной» истории.

Чтобы стать источником для реконструкции мировосприятия, вещь должна быть осмыслена как явление истории культуры, а следовательно, как памятник духовной жизни. В самом деле, исследователи произведений изобразительного искусства уже давно учитывают при их анализе специфику мировоззрения их создателей. Подобным образом ведут себя и те, кто изучает письменные источники. Не совсем так обстоит дело в археологии. По словам западногерманского археолога Г. Ю. Эггерса, «историки с давних пор знают: каждый письменный источник тенденциозен! Но большинство наших нынешних археологов все еще пребывают в глубокой вере, что их „вещественные свидетельства“ суть правдивые „объективные“ источники, чуждые любой сознательной тенденции. Это ни в коем случае не так!» (цит. по [Клейн, 1978, с. 66]).

Вещь не только функциональна, ее форма диктуется не только ее непосредственным назначением. Само понимание функции одной и той же по форме вещи в разные эпохи и у разных племен и народов не могло не быть различным, если рассматривать функцию в широком смысле, как реализацию всех проявлений вещи в данной культуре. Археолог имеет дело не с вещью как феноменом определенной культуры в общечеловеческом смысле, а лишь с материальной оболочкой этого феномена. «Вещь, кажется нам, хорошо сохранилась, но между тем она утратила не только свою связь с окружением, а утратила то, что не могло оставить никаких следов и вещественности. Прялку или чашку мы воспринимаем сегодня как вещь, сделанную для такой-то „цели“, как вещь „с функцией“, как вещь „со значением“, как вещь „со смыслом“. Она сначала понятие для нас. Ее материальность, в сущности, не причастная судьбе, истории, жизни, пережила вещь, оставаясь ее знаком, ее памятником, оболочкой ее исчезнувшего внутреннего мира. Если вещам суждено бывает прожить „мафусаилов век“... можно живо представить себе, какие бури пережила такая вещь внутри себя, даже если они оставили мало следов на ее поверхности, насколько она перестала быть той же самой вещью, насколько обманчив ее прежний, „тот же самый“ облик» [Михайлов, 1972, с. 30].

Советские и зарубежные исследователи правомерно уделяют большое внимание археологическому материалу как источнику для изучения социально-экономической истории первобытных и древних обществ. Под этим углом зрения рассматриваются и данные раскопок раннеземледельческих поселений ([Массон, 1976]; см. там же обширную библиографию). В то же время еще 30 лет

назад С. Н. Бибилов, имея в виду изучение трипольской культуры, писал: «Вопросы экономики, экономического строя раннеземледельческих обществ, периодизация памятников изучены более или менее подробно. Иное положение мы встретим, если обратимся к явлениям надстроечного порядка и к таким проблемам, как развитие познания и примитивного мировоззрения этих племен. Здесь мы сталкиваемся с неразработанностью подобных вопросов, что далеко не всегда может быть оправдано недостаточностью материала для определенных суждений и выводов» [Бибилов, 1953, с. 193] ⁴. В настоящее время положение нельзя считать вполне изменившимся. Хотя публикации всех материалов раскопок, особенно содержащих вещи неутилитарного назначения, обычно включают их анализ, однако часто это делается лишь поверхностно, для формальной полноты исследования. Правда, сейчас как в нашей, так и в зарубежной науке существует немало работ, посвященных анализу вещей как историко-культурного феномена (см., например, [Рыбаков, 1965; Формозов, 1969, 1980; Раевский, 1970, 1977, 1978, 1980; Литвинский, 1972, 1976, 1980; Кузьмина, 1976, 1977, 1979; Акишев, 1978, 1980; Шер, 1980; Dussaud, 1935; Frankfort, 1939a; Amiet, 1961; Ucko, 1962, 1968; Goff, 1963; Barrelet, 1968; Cauvin, 1972; Gimbutas, 1974]). Однако потребность в таких работах превышает то, что делается в данном направлении. Вероятно, результатом этого является появление некомпетентных исследований, дискредитирующих саму идею подхода к древним вещам как к памятникам духовной культуры в глазах не только коллег, но и широкой публики, проявляющей все больший интерес к древности (критику см. [Формозов, 1969, с. 5—23; Формозов, 1979]).

Исследование духовного мира людей первобытности и древности всегда составляло неотъемлемую часть археологической науки. Достаточно упомянуть об изучении палеолитической наскальной живописи и мелкой скульптуры. Ярчайшие образцы палеолитического искусства, которые стали известны около 100 лет назад, давно превратились в объект исследований не только археологов, но и историков, историков искусства и религии. Накопление же основного объема сведений о древних земледельцах Передней и Средней Азии относится к относительно недавнему времени: хотя некоторые памятники были найдены в первые десятилетия XX в., широкие исследования развернулись только после второй мировой войны. Размах раскопок подчас опережает возможности не только осмысления, но даже полной публикации их результатов.

Главная задача археологии — добыча материальных свидетельств, их датировка, определение принадлежности к той или иной археологической культуре. Эти процедуры сами по себе трудоемки и требуют серьезного научного подхода. Отчасти поэтому попытки истолкования данных как памятников определенной культуры (не в археологическом, а в общем смысле) часто остаются за пределами археологических исследований или занимают в них ничтожное место.

Существует, хотя и не является распространенной, иная точка зрения на конечные цели археологических исследований. Так, М. Уилер считает, что археолог должен быть в известной мере психологом, чтобы очеловечить и оживить материал силой своего воображения; что он должен для этого обладать качествами не только искусствоведа, но и философа [Wheeler, 1954, с. 228—229].

Неполнота и специфичность материалов, дошедших от первобытных обществ, диктуют необходимость обращения к данным территориально близких культур, носители которых жили в сходных природных условиях и поддерживали между собой более или менее непосредственные контакты. Передняя и Средняя Азия представляют обширный регион, неолитические и энеолитические культуры которого могут быть рассмотрены именно таким образом. При всем своеобразии памятников на территории Сирии и Палестины, Турции и Ирака, Ирана и советской Средней Азии они имеют значительное внутреннее сходство, и, как можно полагать, таким же сходством обладало мировосприятие оставивших их людей.

Исследователями традиционных культур (к которым принадлежит и первобытная), в частности фольклористами, установлено, что в культурах, близких исторически или типологически, одни и те же знаки и «тематические конфигурации» (термин С. Ю. Неклюдова) могут быть представлены с разной полнотой и различными смысловыми акцентами. Ряд элементов может бытовать «подспудно, имплицитно, играя тем не менее значительную роль в знаковом процессе. Поскольку они проявляются лишь косвенно, их природа зачастую ускользает от непосредственного исследования и может быть вскрыта только по сравнению с иными, чужеродными формациями, в которых именно они получили преимущественное развитие» [Неклюдов, 1977, с. 198]. Это обстоятельство играет существенную роль в интерпретации памятников интересующего нас круга, указывая на необходимость привлечения аналогичных материалов из исторически и типологически близкой среды.

Важнейшим источником для реконструкции культуры первобытных земледельцев служат письменные документы носителей древних цивилизаций. Правда, они в относительно слабой степени позволяют понять особенности мировосприятия оставивших их людей: они трудны для понимания, немногочисленны, дефектны, а в своих древнейших формах, представляющих для нашей темы наибольший интерес, являются документами хозяйственной отчетности. Тем не менее именно памятники письменности позволили представить, пусть в общих чертах, религии обитателей Двуречья, древней Палестины, Анатолии, Юго-Западного Ирана. Благодаря письменным источникам древняя цивилизация заговорила голосами живых людей, что так необходимо для исследователя, желающего проникнуть в их духовный мир и мир их предков, еще не имевших письменности. Опираясь на выводы о закономерностях соотношения словесного, религиозно-мифологического и изобрази-

тельного материала в древних государствах, можно подойти к интерпретации изобразительных памятников соседних бесписьменных культур. Такая работа была проделана автором с материалами, с одной стороны, Двуречья, с другой — Ирана и Средней Азии.

* * *

Жизнь людей первобытного общества характеризовалась недифференцированностью, слитностью всех сторон. В науке это явление не вполне удачно именуют синкретизмом, хотя понятие «синкретизм» предполагает сочетание первоначально разделенных элементов, а для первобытности можно предполагать их первоначально нераздельное единство. Целостный характер первобытного общества во всех его проявлениях, неразделимость хозяйственной жизни, понимания мира и способов выражения этого понимания дают основания для анализа мировосприятия древних земледельцев. Такой подход предполагает понимание духовной культуры как осределяемой не только особенностями хозяйства. Речь идет о малой дифференцированности хозяйства и надстроечных явлений⁵ в первобытном обществе, об их сращенности и непосредственной взаимосвязи, поэтому «может быть ошибочным и даже неудобным для описания разделять экономические, политические, юридические и религиозные установления» [Иванов, 1972, с. 109].

Относительно невысокий уровень хозяйственного развития, хотя и обладавший неоспоримыми преимуществами перед охотничье-собирательской экономикой предшествующего времени, ставил людей в тесную зависимость от природы. В значительной степени этому обстоятельству обязаны своим сходством древнеземледельческие культуры Старого Света. Близкие формы хозяйства и сходное природное окружение, делавшее доступными одни и те же материалы, сходство исторических судеб — все это привело к формированию характерного для них комплекса материальной культуры.

Одна из характернейших особенностей жизни общества в условиях первобытнообщинного строя — его традиционность: вся жизнь подчинялась регулирующей системе, основывалась на обязательных (и неписаных) нормах. Этими нормами руководствовались и отдельный человек, и коллектив в целом.

Общества, ориентирующиеся в своем существовании на традицию, на бытовавшие в их культуре образцы, существовали долгое время — от первобытности до поры развитого средневековья. К. Леви-Стросс противопоставил мифологию, фольклор и средневековое искусство со свойственной им структурной устойчивостью и наглядной символичностью искусству Европы начиная с эпохи Возрождения с его установкой на предметность, непосредственную подражательность природным формам и т. д. (см. [Мелетинский, 1977, с. 166]). Б. Роуленд понимает под традиционным искусством «творческое выражение общества, где в живописи, скульптуре, архитектуре и даже в мельчайших предметах повседневного

обихода создается форма, не просто продиктованная соображениями полезности, но служащая вместе с тем символическим раскрытием тех сверхъестественных сил, которые, как считали, правят земным миром» [Роулэнд, 1958, с. 7]. Творец такого искусства не сознает себя как личность, он скорее — ремесленник, а его произведения, исполненные глубокого смысла, не реалистичны, а условны и символичны. Поскольку искусство — одно из главных выражений человеческой культуры, установленные для него закономерности могут распространяться на нее в целом.

Традиционное, или архаическое, общество отрицало индивидуальность, его члены должны были вести себя «как все»; здесь было специфическое понимание времени, отсутствовало историческое сознание. Такие общества противостоят обществу того типа, который сложился в Европе в постренессансное время. Оно решительно, декларируя это, рвет с традиционными нормами поведения и мышления, признавая ценность нового, необходимость постоянных его поисков, подчеркивая значение отдельной личности.

Противопоставление традиционных обществ нетрадиционным, несомненно, правомерно. Однако при этом не следует упускать из виду различия между традиционными обществами на разных этапах истории. На традиционности основывалась жизнь первобытных общинников, создателей первых государственных образований, древнего и средневекового общества, членов крестьянских общин в эпоху капитализма. Само понимание традиции в этих столь разных обществах, естественно, должно было быть различным [Мелетинский, 1976, с. 159].

Первобытные общества, как отмечалось, характеризуются недифференцированностью *всех* форм жизни и культуры. Разделение труда в них основано на половозрастном принципе, хозяйство базируется сначала на собирательстве и охоте, позже — на примитивном земледелии и скотоводстве. Личность не выделена из коллектива своих родственников. Любые формы профессионализма чужды этому обществу. Здесь безраздельно господствует мифологическое мышление, бессознательно-художественное восприятие мира. Традиционное существование — единственно возможное в это время, причем следование традиции осуществляется бессознательно (дорефлексивный традиционализм, по терминологии С. С. Аверинцева [Аверинцев, 1981]).

Разложение первобытного общества влечет с собой распад прежней цельности. Дифференциация общества приводит к тому, что человек начинает отделяться от коллектива себе подобных — происходит формирование личности. Развивается разделение труда, складываются профессиональное ремесло и вообще различные виды профессиональной деятельности. Мифологическое мышление разлагается, определенное значение приобретает рационалистическое мышление, а затем, в древних государственных образованиях — наука. Человек древнего мира — шумер или вавилонянин, хетт или египтянин, грек или римлянин — понимает, что такое принадлежность традиции. Он знает, что традиции бывают раз-

ными в разных государствах, и тщательно оберегает свою собственную. Это — этап рефлексивного традиционализма [Аверинцев, 1981]. Все эти тенденции окончательно формируются в средневековье, на закате которого традиционность, как безусловный принцип существования общества, отмирает.

Дифференцируясь, общество порождает более сложные отношения между людьми, и в частности между мастером, создающим вещь, и обществом. Древняя Греция, а затем Рим сохранили до наших дней имена мастеров, делавших сосуды или статуи. Эти люди, безусловно, ориентировались на образцы, которые заслужили одобрение их современников, но они создавали нечто особое, что и было отмечено теми, кто видел их произведения.

Историческая и культурная неоднородность самих традиционных обществ требует осторожности при интерпретации явлений какого-либо периода с помощью аналогий, почерпнутых в других, пусть также традиционных культурах. Даже сближение явлений первобытной культуры самых архаичных современных народов чревато ошибкой и модернизацией. При сравнении необходимо учитывать специфику сравниваемых культур, их место на пути развития человечества⁶. Палеолитическая копьёметалка может быть очень похожа на копьёметалку австралийца, но это свидетельствует лишь об их одинаковом использовании при метании копья. Понимание же их как знаков, роль их в обрядах, место в мифологии могли быть совершенно разными⁷.

Основной общественной единицей первобытности являлась община. Община, состоящая из домохозяйств, составляла также основу классового общества от его зарождения до феодализма включительно. Она имела некоторые общие черты с первобытной общиной, но в целом была существенно иным организмом [Семёнов, 1979, с. 85]. Крестьянские общины были частью классовых обществ, некоторые элементы которых значительно отличались по своей структуре от того, что определяло облик общины. Первобытные общины находились в качественно иной ситуации — они не являлись частью социально дифференцированных организмов, но представляли самостоятельные объединения, которые в случае необходимости вступали в контакты с подобными себе.

Крестьянская община, будучи достаточно замкнутым образованием, имеет свою надстройку, собственную «фольклорную» культуру. В этом она подобна первобытной общине. Однако наряду с «народной» в классовых обществах существует иная культура, создаваемая профессионалами, и народное творчество испытывает ее влияние. Поэтому крестьянская община лишена той недифференцированной целостности, которая определяет все формы существования первобытной общины⁸. При всем том крестьянская община автаркична и в определенных условиях может существовать, почти не вступая в контакт с внешним миром. Ф. Энгельс писал по этому поводу: «Русский крестьянин живет и действует только в своей общине; весь остальной мир существует для него лишь постольку, поскольку он вмешивается в дела его общины. Это до

такой степени верно, что на русском языке одно и то же слово *мир* означает, с одной стороны, „вселенную“, а с другой — „крестьянскую общину“» [Маркс и Энгельс, т. 18, с. 544].

Первобытная и крестьянская общины представляли собой малые коллективы, первый — состоявший из родственников, второй нередко — тоже. Они вели основанное на примитивной технологии хозяйство. Все это порождало сходство в мировосприятии их членов. Большим однообразием и устойчивостью отличаются представления и ритуалы, связанные с земледелием и скотоводством, обнаруживаемые как у первобытных, так и у почти современных нам крестьян. Поразительное сходство обнаруживается между произведениями народного творчества и функционально близкими им первобытными вещами. Преобладание родового начала, отсутствие профессионализма делает чуть ли не всякое изделие произведением индивидуально окрашенным, т. е., с нашей точки зрения, — произведением искусства. Объект изобразительности — не отдельное событие, а то общее, что присуще явлениям определенного рода вообще. В конечном счете объектом изображения является мир в целом: отсюда «космологический» образный строй произведений народного искусства [Вагнер, 1978].

Информация, которую несут в себе «народные» вещи, предназначена для определенного коллектива, готового к ее восприятию и умеющего распознавать ее по малейшим намекам. Поэтому формы вещей могут быть достаточно условными, обобщенными, что в первую очередь и сближает их с изделиями первобытного времени. Ясно, однако, что, несмотря на существование закономерностей, общих для первобытного и традиционного творчества, нельзя рассматривать последнее как полностью объясняющее первое. Особенно справедливо это применительно к семантике, т. е. там, где речь идет о выяснении значения конкретных форм. Между семантикой вещей двух этих периодов такая же разница, как между первобытным мифом и сказкой, первобытным ритуалом и народным праздником.

В этой работе под традиционными обществами и традиционной культурой будут пониматься существующие и поныне структуры с относительно простой социальной организацией, в основе которой лежит община. Общества, существовавшие до сложения государства, именуются первобытными, после их формирования — древними.

Целостный характер первобытной культуры делает настоящей необходимостью применение при ее исследовании приемов системного анализа. Такой анализ на основе данных археологической культуры связан с ее реконструкцией, с рассмотрением ее как элемента культуры в общечеловеческом смысле. Подобный подход в гуманитарных науках с наибольшим успехом развивается в лингвистике, ставшей своего рода лабораторией, в которой отрабатывается методика системного анализа. «Язык представляет собой модель структуры отношений в самом буквальном и в то же время самом широком смысле» [Бенвенист, 1974, с. 30].

В науке о языке выявлено то, что еще не вполне осознано в археологии,— знаковый характер предмета исследования.

Устойчивость форм вещей, их «функциональность» создает иллюзию очевидности их значения, их «неконвенциональности». На самом деле, как уже отмечалось, непосредственное назначение вещи не так много говорит о том, какое значение придавалось ей людьми, ее создавшими. Поиски значения вещей должны исходить из понимания исторических особенностей породивших их культур [Формозов, 1979, с. 8; Goff, 1963, с. 8, 20, 40—50]. Это положение четко осознано в лингвистике: «Мы отказываемся ... от мысли, что каждый „факт“ языка можно расценивать сам по себе, что он является абсолютной и объективной величиной, допускающей изолированное рассмотрение. В действительности языковые сущности можно определить лишь в их отношении друг к другу, рассматривая их в пределах системы, которая их организует и доминирует над ними. Они представляют собой нечто лишь постольку, поскольку являются явлениями структуры» [Бенвенист, 1974, с. 24].

Традиционный характер культур, к которым принадлежит и первобытная, обеспечивает перспективность применения не только структурного, но и историко-типологического метода. Синхронное описание может быть дополняемо диахронным, структурно-семиотический анализ — сравнительно-историческим [Мелетинский, 1977, с. 152]. Эти подходы позволяют компенсировать дефектность неизбежно неполных материалов.

Археологические данные могут рассматриваться на разных уровнях. Исследователи склонны упускать это из виду, полагая, по замечанию Л. С. Клейна, «что только одна реконструкция из всех возможных является правильной, остальные — неправильными» [Клейн, 1978, с. 67]. Те, кто считают так, забывают, что в исторических исследованиях, как и в гуманитарных науках вообще, может применяться принцип дополнительности, который был предложен Н. Бором для объяснения природы светового излучения [Топоров, 1973; Иванов, 1976, с. 56; 1978а, с. 108, 131; Мелетинский, 1977, с. 161]: «Одни и те же тексты, рассмотренные на разных уровнях, могут дать разные картины... Один и тот же текст в своем реальном функционировании может описывать (и осознавать) себя одновременно в категориях нескольких моделей культуры» [Лотман, 1969, с. 477].

Вероятно, не может существовать исчерпывающей интерпретацией семантики того или иного явления первобытной и древней культуры — как потому, что исследователь не обладает о нем всей информацией, так и потому, что даже в хорошо изученной культуре семантика явления представляет собой результат его отношений со множеством других явлений. Анализируя данные, каждый ученый подходит к ним со своей точки зрения, определяемой рядом с прочим и кругом его научных интересов. От абсолютизации своей позиции его должны спасать здравый смысл и четкое осознание характера материала и тех задач, которые он перед собой ставит.

Автор отдает себе отчет в «частичности» своих реконструкций, в том, что последующие исследования неизбежно откроют новые аспекты значения памятников, а возможно, выявят неправомерность некоторых выводов. Следует подчеркнуть, что излагаемые в этой работе предположения автор рассматривает не как окончательные, но как гипотезу, предлагаемую для обсуждения, а всю книгу — как возможность диалога с читателями. Понимая первобытную культуру как целостное образование, автор выделяет в ее континууме лишь некоторые стороны, не претендуя на исчерпывающее исследование: картина не может быть написана окончательно, она неизбежно должна исправляться и дополняться. Такова логика развития науки⁹.

Археологический материал, обнаруженный в поселениях и погребениях древних земледельцев, настолько велик и разнообразен, что лишь в малой степени может быть учтен одним исследователем. Автор не ставит перед собой такой заведомо невыполнимой задачи. Для того чтобы представить некоторые существенные черты мировосприятия древних земледельцев, избраны наиболее явно выражающие его категории памятников материальной культуры — керамические изделия, некоторые памятники изобразительного творчества (изображения на печатях, орнаменты на сосудах, антропоморфные фигурки, настенные росписи), архитектурные формы. Исследование этих материалов стало возможным благодаря упорному труду нескольких поколений археологов. Им всем, работавшим и продолжающим работать в горах, пустынях и оазисах Передней и Средней Азии, посвящает автор свое сочинение.

Работа выполнена в секторе древности и средневековья Отдела исторических и культурных взаимоотношений советского и зарубежного Востока Института востоковедения АН СССР. На протяжении периода ее подготовки отдельные части и вся она в целом неоднократно обсуждались. Вспоминая обстановку доброжелательности и заинтересованности, в которой проходили эти обсуждения, автор выражает искреннюю признательность всем, благодаря кому в текст были внесены дополнения и поправки.

* * *

Согласно археологическим данным, в IX тыс. до н. э. в нескольких областях Передней Азии обнаруживаются признаки разрушения древнего охотничье-собирательского хозяйства. Обитатели предгорий со степной или лесопарковой растительностью и сухим жарким климатом переходят к интенсивному собирательству дикорастущих злаков и плодов и предпринимают первые попытки одомашнивания диких животных.

Переход к производящему хозяйству был обусловлен социальными предпосылками и мог совершиться лишь в определенных природных условиях. Передняя Азия представляет собой один из выделенных Н. И. Вавиловым [Вавилов, 1960, с. 29—57] очагов формообразования культурных растений. В переднеазиатском

■ среднеазиатском очагах¹⁰ произрастают дикие предки 18 видов зерновых, 8 — кормовых, 16 — масличных, 15 — овощных и 24 — плодовых культур. Здесь же обитали дикие быки, козлы и бараны, одомашненные потомки которых составили в дальнейшем стадо древних земледельцев. Однако наличия разных видов дикорастущих растений и диких животных самого по себе еще недостаточно для того, чтобы возникала потребность в их одомашнивании. Обитатели тропических лесов и саванн лишь в незначительной степени занимались земледелием и скотоводством: «Слишком расточительная природа „ведет человека, как ребенка, на помочах“». Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью» [Маркс и Энгельс, т. 23, с. 522]. Стимулы для одомашнивания растений и животных создавались там, где дикие растения и животные были, но в количестве, недостаточном для удовлетворения потребностей людей путем охоты и собирательства [Карнейро, 1969, с. 68—70; Sahlins, 1972, с. 9; Шнирельман, 1978]. Такие условия и существовали в Передней и Средней Азии.

Формированию производящей экономики предшествовал этап интенсифицированного собирательства и специализированной охоты (IX—VIII тыс. до н. э.). Достаточное количество растений и животных позволяли создавать сезонные, периодически заселявшиеся поселения. Эти поселения находились еще в зоне распространения диких предшественников домашних животных и растений. О систематическом собирательстве их обитателей свидетельствуют каменные вкладыши для жатвенных ножей, камни для растирания зерна, ямы для хранения запасов. Начинает складываться характерный для древних земледельцев комплекс материальной культуры: специфический набор орудий, долговременные поселения, погребения покойников в пределах поселений, появляются скульптурные произведения.

В IX—VIII тыс. до н. э. население гор и предгорий Загроса (Карим Шахир, Зави Чеми Шанидар, Телль Малефаат и др.) занималось сбором диких злаков [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 27; Массон, 1971, с. 112 и сл.]; возможно, была одомашнена овца, но основное количество мясной пищи получали путем охоты на дикого козла, барана, газель и быка [Mellaart, 1975, с. 23—26]. В памятниках долины Дех Луран (иранский Загрос, фаза Бус Морде) доля культурных растений составляет уже 3,4% [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 27]. В Сирии на поселении Мурейбит основой существования служили сбор диких хлебных злаков и бобовых [Van Loon, Skinner, 1968] и охота на дикого осла, бизона, газель, а также рыбная ловля (Mellaart, 1975, с. 23—26). В Палестине в мезолитическое время и в период докерамического неолита при увеличении роли собирательства также сохраняется большое значение рыболовства и охоты [Noy, Legge, 1973; Массон, 1971, с. 118]. В Вади Фалла (Нахаль Орен) костные остатки газели составляли 74%, оленя — 18,5, быка — 3,5%. В Бейде натуфийского времени (мезолит) кости дикого козла составляли 76% остеологического материала, остальное приходилось на долю газели.

В Эйн Маллахе (Эйнан) кости газели составляли 44%. В то же время в Бейде периода докерамического неолита В (7500—6500 гг. до н. э.) 86% мясного рациона давала уже домашняя коза. Были одомашнены ячмень (хотя продолжали еще собирать и дикий) и пшеница [Mellaart, 1975, с. 23—26]. В Южной и Юго-Восточной Турции (Хаджилар, докерамические слои, и Чейеню-тепеси) были одомашнены пшеница и ячмень, люди охотились на благородного оленя, быка, кабана и барана [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 28; Mellaart, 1975, с. 23—26].

Раскопки Иерихона (неолит А, VIII тыс. до н. э.) показали, что и в условиях еще не сложившегося производящего хозяйства экономический потенциал общества мог быть настолько высоким, что позволял создавать грандиозные для того времени сооружения. В их числе ров шириной 8,5 м и глубиной 2,1 м; каменная стена толщиной 1,6 м и высотой около 4 м; башня, сохранившаяся на высоту более 8 м [Mellaart, 1965, с. 32 и сл.]. Ясно, однако, что сооружения, подобные найденным в Иерихоне, хотя и не были единственными в древнеземледельческом регионе, представляли все же относительно редкое явление, ставшее возможным в результате стечения благоприятных условий, в том числе природных. В целом же для данного периода были характерны небольшие поселения.

Исследованиями в Южном Курдистане и Луристане удалось выделить четыре типа таких поселений: деревни земледельцев, занимавшихся в качестве подсобных промыслов охотой и собирательством; сезонные лагеря, существовавшие в местах пастбы скота или проведения земледельческих работ; сезонные пещеры пастухов; лагеря пастухов, кочующих из долины в долину [Mortensen, 1972, с. 293]. По мнению К. Флэннери, характерной для этого времени была система «базовое поселение — временные лагеря», что соответствовало потребностям интенсифицированного собирательства и развивающейся производящей экономики [Flannery, 1972].

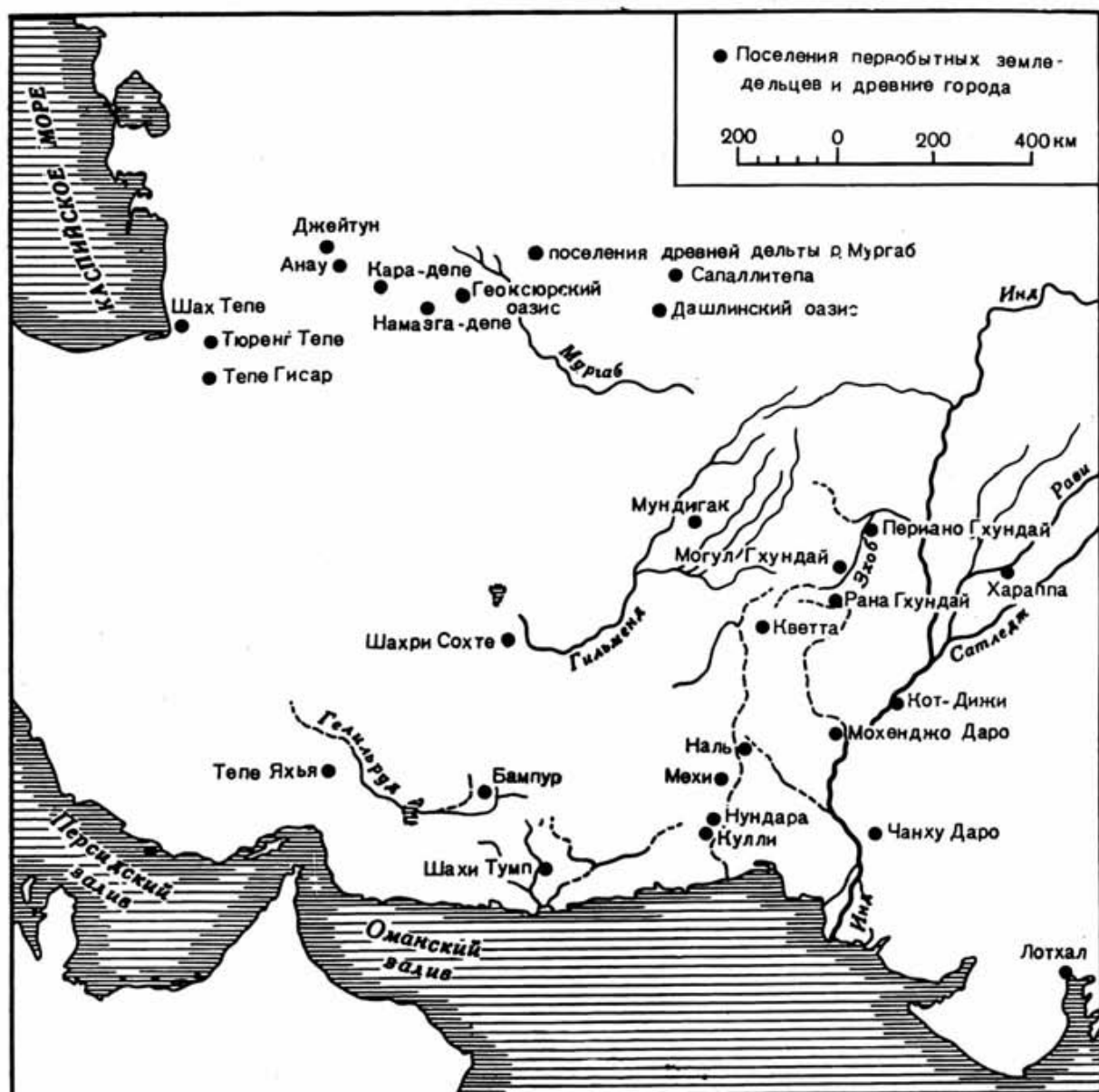
В VII—V тыс. до н. э. производящее хозяйство в Передней и Средней Азии распространяется повсеместно. В Загросе и прилегающих к нему областях (поселения Джармо, Тепе Сараб, Тепе Сабз, памятники фаз Али Кош и Мухаммед Джафар) были одомашнены пшеница и ячмень, коза и овца [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 39; Mellaart, 1975, с. 23—26]. Древние земледельцы начинают спускаться в аллювиальные долины, где в Двуречье размещаются дохассунские (VIII—VII тыс. до н. э.) и хассунские (VI тыс. до н. э.) поселения. В Синджарской долине на севере Ирака в VIII—VII тыс. до н. э. существовало поселение Телль Магзалия, где советской археологической экспедицией были обнаружены прямоугольные дома на массивных каменных основаниях, каменная оборонительная стена, бастион или башня [Бадер, 1979]. Поселение относится к раннему докерамическому неолиту; зафиксировано возделывание domesticiрованных злаков и сбор диких. Сосуды делали из камня и гипсовой массы, орудия труда — из

кремня и обсидиана, статуэтки — из глины и кости [Мунчаев, Мерперт, 1979, с. 324].

В Умм Дабагии близ Хатры (конец VII — начало VI тыс. до н. э.) найдены одомашненная пшеница и несколько видов ячменя [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 49—50], хотя население, пользуясь благоприятным природным окружением, продолжало заниматься собирательством и охотой на диких ослов [Kirkbride, 1973, 1975]. Обнаруженные здесь многокомнатные дома и весь облик процветающего поселения заставили Д. Керкбрайд предположить, что оно служило торговой факторией. Носители хассунской культуры помимо возделывания пшеницы и ячменя [Helbaek, 1964; Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 49—50; Mellaart, 1975, с. 23—26; Массон, 1976, с. 39; Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 287 сл.] разводили коз, овец, свиней и особенно крупный рогатый скот [Oates, 1969, с. 115]. В самаррских поселениях (Телль эс-Савван, Чога Мами), располагавшихся в неблагоприятных для богарного земледелия условиях, уже использовалась примитивная ирригация [Helbaek, 1960, с. 189—190; Oates, 1972; Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 50—51]. Предполагают существование ирригационного земледелия и на равнине Дех Луран [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 39].

На базе ирригационного земледелия хозяйство и материальная культура обитателей северного и среднего Двуречья достигают невиданного прежде расцвета. Возможно, в самаррском поселении Телль эс-Савван уже существовала специализированная храмовая архитектура. Богато и разнообразно изобразительное искусство: великолепно расписная керамика самаррской (VI тыс. до н. э.) и халафской (V тыс. до н. э.) культур, мелкая скульптура из камня и глины. Помимо первого в истории человечества искусственного материала — обожженной глины — начинают уже в VII тыс. до н. э. заниматься обработкой металлов, сначала методомковки, а в VI тыс. до н. э., возможно, и путем плавки (хассунская и самаррская культуры) [Мунчаев, Мерперт, 1979, с. 326; они же, 1981, с. 307—316].

В Сирии в этот период выращивали пшеницу, ячмень, горох, чечевицу, охотились на газелей, а несколько позже (Телль Рамад, вторая половина VII тыс. до н. э.) разводили коз, овец, крупный рогатый скот, свиней [Mellaart, 1975, с. 23—26]. Набор растений, близкий обнаруженному в Телль Рамаде, возделывали в Рас Шамре [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 35]. Палестинские поселения этого времени продолжают развитие прежних традиций, но их материальная культура постепенно теряет свою выразительность по сравнению с памятниками юга Турции. Располагавшиеся там поселения Чатал Хююк и Хаджилар, на материалах которых мы будем неоднократно останавливаться в дальнейшем, исключительно ярко демонстрируют достижения земледельческой экономики этого периода [Mellaart, 1966a, 1966b, 1967, 1970, 1972; Антонова, 1979; Иванов, 1979a]. Их жители возделывали три вида пшеницы, ячмень, вику и чечевицу, разводили крупный рогатый скот, но при этом продолжали охотиться на оленей и диких быков,

ослов и баранов или козлов [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 32; Mellaart, 1975, с. 23—26]. Высокий уровень культуры обитателей поселений юга Турции заставил Дж. Мелларта предположить, что основой их хозяйства было не богарное, а ирригационное земледелие [Mellaart, 1972; Мунчаев, Мерперт, 1979, с. 324], однако пока это предположение не подтверждено специальными исследованиями. В поздненеолитическом Хаджиларе пшеница составляла 40%, ячмень 45, бобовые 15% найденных зерновых остатков [Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 33].

В VI тыс. до н. э. появляются первые поселения и в предгорьях Туркмено-Хорасанских гор и на подгорных равнинах. Древнейшей культурой здесь была джейтунская, являющаяся одновременно и самой ранней земледельческой культурой на территории СССР [Массон, 1971]. В VI тыс. до н. э. здесь разводили пшеницу и ячмень, занимались охотой и скотоводством. Позже в Южной Туркмении начинает преобладать отгонное скотоводство и мелкооазисное земледелие [Массон, 1976, с. 40—41].

Для культур периода окончательного становления производящей экономики в Передней и Средней Азии характерно и довольно большое однообразие, и различия, бывшие следствием конкретных природных условий, в которых обитали первобытные общины. Вероятно, с областями, заселенными относительно развитыми в хозяйственном и социальном отношении племенами, соседствовали такие, где из-за особых условий¹¹ сохранялись архаичные формы ведения хозяйства и традиционно связанные с ними представления. В VII—VI тыс. до н. э. в Передней и Средней Азии начинают складываться сравнительно крупные общности людей, что прослеживается на археологическом материале как формирование культур — распространение на более или менее обширных территориях близких форм построек, орудий, оружия, утвари, сходных погребальных обрядов. Это указывает на нарастание потребностей контакта, обмена сырьем, готовыми продуктами, вероятно, и результатами хозяйственного опыта. Неравномерность обеспеченности сырьем разных областей вызвала уже в IX—VIII тыс. до н. э. регулярный обмен обсидианом [Renfrew, Dixon, Cann, 1966, 1968; Массон, 1976, с. 73 сл.]; с развитием хозяйства его потребности растут, что ярко демонстрирует история Двуречья, население которого испытывало нехватку камня и металлов и в то же время располагало избытком продуктов земледелия и скотоводства.

Со становлением земледелия и скотоводства человечество вышло из состояния дикости, абсолютной зависимости от даров природы, освоив методы «увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности» [Маркс и Энгельс, т. 21, с. 33]. Это было достижение огромной важности, послужившее основой всего дальнейшего прогресса человечества. В итоге переворота, который называют неолитической революцией¹², человечество получило в свое распоряжение новое мощное средство производства — землю. Результаты этого были столь наглядны, что нет необходимости останавливаться на них особенно подробно. Урожай в Двуречье, по данным Геродота (вероятно, преувеличенным), составляли сам-двести и сам-триста [Геродот, I, 193]. Скорее всего, они были ближе к сам-пятидесяти и сам-сто. Во всяком случае, в шумерских документах зафиксированы урожаи сам-тридцать и сам-пятьдесят [Возникновение и развитие земледелия, с. 45]. В прошлом веке на юге Средней Азии урожай пшеницы был сам-семь-восемь, ячменя — сам-четыре-пять [Массон, 1964, с. 222].

Возможность получать такое количество продуктов питания, которого с избытком хватало для удовлетворения потребностей членов первобытных общин¹³, способствовала освобождению некоторых категорий общинников от участия в непосредственной добыче пищи. Это обстоятельство благотворно сказалось на развитии ремесел, дало толчок общественной дифференциации. Появление и развитие великих достижений цивилизации — земледелия и скотоводства, керамического производства и металлообработки, ткачества и т. д. было невозможно без активной познавательной

деятельности человека, без столетий и тысячелетий наблюдений. Результаты этого становятся особенно определенными, когда обращаешься к культуре древнейших государств, в которых развиваются ранние формы науки и профессионального искусства, появляются письменность и литература, необыкновенной высоты достигает ремесло.

Сложной является проблема общественной организации первобытных земледельцев. Некоторые сведения о структуре их общин можно почерпнуть из организации поселений и характера построек. В натуфийском Эйнане обнаружено около 50 круглых в плане жилищ полуземляночного типа диаметром от 3—4 до 7—9 м. В домах были очаги; ямы для хранения припасов находились вне домов, но иногда и внутри них [Meillaart, 1975, с. 36]. Небольшие круглые или овальные дома существовали в Мурейбите, Тепе Асьябе и Зави Чеми Шанидаре в Загросе и в других поселениях с неустановившимся производящим хозяйством. К. Флэннери предполагает, что в социальной организации этого времени было много общего с организацией охотничье-собираетельского общества. Самостоятельная группа поры присваивающего хозяйства состояла из нескольких мужчин и женщин и была небольшой; она вела общее хозяйство, а жилища предназначались отдельным индивидуумам [Flannery, 1972, с. 31]. По мнению В. М. Массона [1976, с. 116], это были жилища парных семей, составлявших родовую общину, которая, как полагают, в период распространения производящего хозяйства в Передней и Средней Азии пришла на смену существовавшей в палеолите и мезолите кровной общине [Бутинов, 1968, с. 119]. Родовая община более постоянна по составу, чем кровная, так как отпадает необходимость сезонного распада на отдельные группы, служившая формой адаптации общины к меняющимся природным условиям [там же, с. 77].

Дома Джейтуна имели площадь от 16 до 30 кв. м, Чатал Хююка — 25—27 кв. м. На Джейтуне, достаточно полно исследованном, удалось проследить децентрализованность домашних производств. В каждом доме существовал большой очаг для приготовления пищи — ее готовили и потребляли внутри семей. В. М. Массон полагает, что несколько парных семей составляли более крупное объединение; последних на поселении существовало несколько, и о них свидетельствуют, возможно, принадлежавшие им зернохранилища [Массон, 1971, с. 104—107].

Все эти данные, по-видимому, подтверждают положение о слабости семьи у мотыжных земледельцев, каковыми были первые носители производящей экономики на Востоке. Родовая община была экзогамной, брак матри- и патрилокальным, а кровное родство прослеживалось только по одной линии. Счет родства по материнской линии свойствен, по мнению Н. А. Бутинова и многих других исследователей, всей эпохе варварства. Уже ко времени позднего неолита и энеолита, когда развивается обмен и ремесло отделяется от сельского хозяйства, когда формируются предпосылки сложения государства, относят формирование гетерогенной семейно-

родовой общины, состоящей из нескольких семейных (домовых) общин [Бутинов, 1968, с. 100, 138, 141—145]. Многокомнатные дома — вероятно, жилища таких семейных общин, обладавших общим хранилищем и домашним святилищем, — обнаружены, в частности, в анауской культуре Южной Туркмении, начиная с периода Намазга III, в Тали Бакуне А, Сиалке III, верхних слоях Мундигака [Массон, 1964, с. 336—339]. Члены домовых общин хоронили своих покойников в общих усыпальницах [Сарианиди, 1965, с. 13; Массон, 1976, с. 120]. Домовые общины, становясь самостоятельными хозяйственными единицами, дифференцировались в социальном и имущественном отношениях; со сложением государства господствующие общины уходили в города [Бутинов, 1968, с. 150].

Все эти стороны социальной и хозяйственной жизни важны для понимания духовной культуры первобытности, системы мировосприятия людей того времени. «Чем примитивнее ступень исторического развития, тем слабее выражается обособленность институтов и отношений. На той же архаичной ступени, на которой община являлась основным социальным организмом, они были слиты как бы воедино. Первобытная община... одновременно и хозяйственный, и семейно-бытовой, и идеологический коллектив» [Данилова, 1968, с. 59].

Существенное значение имеет проблема разделения труда в родовой общине. Насколько можно судить по этнографическим данным, оно было половозрастным, но конкретные его формы остаются гипотетичными. Быт современных мотыжных земледельцев Океании, Африки и Америки показывает, что эти формы определялись многими факторами [Бутинов, 1968; Бахта, 1968]. У охотников и собирателей мужским занятием по преимуществу была охота, женским — собирательство. Из этого уже давно [Шурц, 1923, вып. II, с. 277; Grimal, с. 54—55] сделан вывод, что «открывателями» земледелия были именно женщины. Вероятно, в тех условиях специализированного охотничье-собирательского хозяйства, которые предшествовали утверждению производящей экономики, добыча мясной пищи была делом мужчин, в то время как сбор растений (а потом и уход за ними), равно как и домашнее хозяйство — сферой женского труда. Несколько иная картина наблюдается там, где охота не имеет важного значения. У папуасов Новой Гвинеи было именно так, поэтому собирательство было здесь занятием всех, а в земледелии и животноводстве участвовали как женщины, так и мужчины. В земледелии мужчины выполняли наиболее трудоемкие работы; животноводство было преимущественно женским занятием, но за кабанам ухаживали мужчины. Характерно, что для празднеств женщины готовили растительную пищу, а мужчины — мясную, хотя в обычные дни ту и другую готовили женщины [Бахта, 1968, с. 279—288].

Хозяйственная деятельность соотносилась с представлениями «идеологического» порядка. Рост значения домашнего хозяйства и домашних производств (гончарства, прядения и ткачества, приго-

товления пищи) в древнеземледельческих общинах должен был способствовать увеличению престижа женщин. В связи с этим столь заметное место в изобразительном искусстве той поры занимают образы и символы женщин и женского начала¹⁴. Сферой женского символизма было, по всей вероятности, и земледелие. Все это находило воплощение в хтонических культах [Anderson, 1979, с. 70]. Насколько позволяют судить материалы, сфера мужского труда и мужской символики в раннеземледельческих общинах достаточно долго лежала как бы за пределами поселений. Немногочисленные изображения мужчин, известные в неолите, можно связывать с сохранением образов охоты в представлениях и ритуалах [Антонова, 1977, с. 89, 115]. Число подобных изображений увеличивается в энеолитическое время: в них мужчина предстает в образе воина (убейдская культура, анауская культура) [там же, с. 112—113]. С течением времени женская символика если не исчезает, то отходит на второй план в обществах, структура которых становится сложнее. Домашнее хозяйство теряет прежнее значение; усложняется общая структура хозяйства; ремесло отделяется от земледелия и скотоводства. Мотыжное земледелие уступает место пашенному, в котором роль мужчин становится значительной. Наконец, развитие хозяйственной специализации и неравномерное накопление богатств различными общинами приводит к усилению военных столкновений, что также повышает роль мужчин в общественной жизни. Неотделим от этого процесс развития взглядов на мир. Хтоника уступает место героике, в мифах наряду со страдающим мужским персонажем главное место занимает образ могучего героя — борца с чудовищами (в значительной степени хтоническими) или бога, организующего мир.

Сложность и богатство — отличительные черты материальной культуры ранних земледельцев и их ближайших потомков. «Культура обладает способностью к развитию по своим внутренним закономерностям на основе уже накопленных ценностей. Культурные ценности создаются обществом, испытывающим потребности в них, но и сами потребности создаются культурой» [Кабо, 1980, с. 66]. Бродячим охотникам не были нужны долговременные жилища, хрупкая и громоздкая глиняная посуда, большие запасы пищи. Развитие производящего хозяйства чрезвычайно быстро вызвало неведомые прежде потребности — в сырье, в получении новых и лучших разновидностей животных и растений, наконец, в чужом опыте. Рост специализации отдельных общин сделал более необходимыми, чем прежде, контакты с соседями. Относительная гарантированность получения продуктов питания вызвала рост населения.

В результате становления производящей экономики культура стала в материальном отношении более выраженной, чем прежде, более разнообразной. Ее усложнившиеся формы стали вместилищем образов и идей, возникших на новом и чрезвычайно важном этапе истории человечества, в пору сложения и развития производящего хозяйства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Часть I. Материальная культура первобытности как отражение мифологического мировосприятия	23
Глава 1. Вещь в первобытной культуре и возможности анализа ее значения	23
Глава 2. Искусство в первобытной культуре	42
Часть II. Мир в образах	59
Глава 3. Образ пространства	59
Глава 4. К семантике образов животных и растений	82
Глава 5. Воплощение представлений о земле	120
Глава 6. Некоторые аспекты представлений о плодородии и образ змеи	146
Часть III. Мир людей и мир сверхъестественного	163
Глава 7. К семантике глиптики Двуречья	163
Глава 8. Вещь и обряд	188
Примечания	203
Литература	232
Список сокращений	252
Указатель географических названий и археологических памятников	254
Указатель имен мифологических, легендарных и фольклорных персонажей	257
Summary	259

Елена Вадимовна Антонова

**ОЧЕРКИ КУЛЬТУРЫ
ДРЕВНИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ
ПЕРЕДНЕЙ И СРЕДНЕЙ АЗИИ**
(Опыт реконструкции мировосприятия)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Я. Б. Гейшерик*
Младший редактор *С. П. Какачикашвили*
Художник *Б. Л. Резников*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректоры *Е. В. Анохина* и *Л. М. Кольцина*
ИБ № 14825

Сдано в набор 30.03.83. Подписано к печати
06.04.84. А-05416. Формат 60×90^{1/16}. Бумага ти-
пографская № 2. Гарнитура литературная. Пе-
чать высокая. Усл. п. л. 16,5. Усл. кр.-отт. 16,75.
Уч.-изд. л. 20,74. Тираж 2900 экз. Изд. № 5330.
Зак. № 415. Цена 2 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Набрано в московской типографии № 13
ПО «Периодика»
ВО «Союзполиграфпром»
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
107005, Москва Б-5,
Денисовский пер., дом 39.

Отпечатано в 3-й типографии
издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28